

ТЕНЬ ЦАРЯ

АНДЖЕЛА ХАНТ

При чтении Библии — когда, дочитав Книгу пророка Малахии, мы переворачиваем страницу и открываем Евангелие от Матфея — создается впечатление, что между пророчествами Малахии и пришествием Иисуса Христа прошло лишь несколько дней. Однако на самом деле Ветхий Завет и Новый разделяют четыреста лет, называемых годами молчания. Это время, когда Бог не говорил с Израилем через Своих пророков. Но, несмотря на это, Бог продолжал действовать и среди Своего народа, и среди других народов, и в Царстве Небесном. Он вел Израиль сквозь времена испытаний, и у Его народа укреплялась надежда и страстное желание дождаться обещанного Мессии.

Бог возвысил четыре народа: вавилонян, персов, греков и римлян. Именно о них говорил Даниил в своих пророчествах. Их могущественные царства распространили свою культуру на весь цивилизованный мир и объединили его мощными дорогами и международными морскими путями.

Бог также готовился исполнить Свое обещание, данное змею в райском саду: «...и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15).

Ибо Бог никогда не спит. И даже если Он общается с нами не так, как мы ожидаем от Него, Он всегда говорит с теми, чьи сердца готовы принять Его послание.

«Тень царя» завершает промежуток между временем пророков и приходом обещанного Мессии.

ЧАСТЬ I

37 ГОД
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ГЛАВА 1

САЛОМЕЯ

Если бы мой брат женился на ком-то другом, я, возможно, была бы довольна. Но рядом с ним стояла семнадцатилетняя девчонка, Мариамна Хасмонеяка, и больше всего на свете мне хотелось никогда ее не видеть. Однако война подходила к концу, Ирод получил возможность занять заветный трон и жениться на своей невесте. Вот-вот я и Мариамна станем невестками на всю оставшуюся жизнь.

От этой мысли мне стало нехорошо.

Мариамна была дочерью Александры и Александра, находившихся в ближайшем родстве с иудейской царской династией. Александра, мать невесты, была дочерью Гиркана II, старшего сына царя Александра Янная и царицы Саломеи Александры. Александр, отец невесты, был зачат Аристубулом, вторым сыном Янная и царицы. Большинство людей затруднились бы разобраться в путаной родословной этого семейства, но для меня их имена были более чем царскими. Мои отец и дед служили правителям Иудеи, поэтому мы с братьями часто посещали царский дворец.

И все они давно мне надоели.

Я надеялась, что Ироду они тоже надоели, однако Мариамна выросла писаной красавицей, и мой брат буквально потерял от нее голову.

По толпе пробежал волной одобрителный ропот, потом оживленное перешептывание.

— Это заткнет рты тем, кто говорит, будто наш царь не царских кровей.

— Теперь иудеи не смогут придаться к нашему царю, ведь на трон взойдет царица из рода Хасмонеев.

— Я слышал, будто царь всерьез увлечен этой девушкой. А некоторые даже полагают, что она уже беременна.

— Давно пора! Сколько времени прошло с их помолвки? Шесть лет, кажется?

«Пять», — чуть не закричала я. Мне пришлось пережить пять долгих лет рядом с этой девчонкой в Масаде, пять лет слушать ее жалобы на еду, одежду, которой обеспечивал ее брат, на убранство ее комнат. Ее не волновало, что Ирод растратил всю свою личную казну, чтобы обеспечить невесту самым лучшим. Не волновало, что мать заставляла нас с братом вести себя наилучшим образом в ее надменном присутствии.

Не говоря уже о том, что именно меня вынудили взять на себя подготовку этой утомительной царской свадьбы. Я готова была сделать почти все, лишь бы мой брат был счастлив, но предпочла бы целый день пыток той неделе, что отняла у меня подготовка свадьбы Ирода и этой испорченной девицы.

Я принужденно улыбнулась священнику, когда он вскинул руку и начал благословение. Это был обычный левит, лучшего мне не удалось найти, ведь Ирод все еще не назначил нового *первосвященника*.

Когда священник закончил, брат повернулся к собравшимся, на его загорелом лице сияла улыбка.

— Позвольте представить вам, — заговорил он с детским восторгом в голосе, — мою невесту и вашу царицу Мариамну.

Невеста, вся увешанная драгоценностями и золотыми цепочками, склонила голову в царственном приветствии и позволила Ироду увести себя с помоста. Она задержалась возле слуги, державшего подушечку с диадемой, и повернулась к жеху.

Сияя, словно мальчишка, брат поднял золотую диадему и надел на голову Мариамны.

Восьмилетний Антипатр, стоявший со мной рядом, фыркнул. Я же толкнула его локтем в бок и кивнула в сторону царя:

— Следи за собой, племянничек. Твоему отцу не понравится, если он заметит, что ты усмехаешься, глядя на его невесту.

— Если бы подвернулся случай, я бы устроил ему настоящие неприятности, — ответил парнишка, сурово сдвинув темные брови. — Я вышел бы вперед и спросил отца, нравится ли все это моей матери. Он выкинул ее, словно бесполезную вещь, и притом...

— А разве она не жива? — Я нахмурилась и перешла на шепот: — Ты-то ведь здесь, и ты перворожденный, никто не может отнять этого у тебя. Так что попридержи язык и будь осторожен. Если хочешь оставаться в милости у отца, будь осмотрительным.

— В милости у отца? — Брови Антипатра взлетели, свидетельствуя о мудрости не по годам. — Весьма ненадежное место.

— Ты предпочитаешь, чтобы тебя не замечали? — Я кивнула в сторону уходящих новобрачных. — Ирод никогда бы не простил мне, если бы я позволила тебе устроить сцену на свадьбе. Так что отправляйся на пир и сделай приятное лицо. Веди себя прилично. Если кто-то спросит твое мнение о невесте, скажи, что обожаешь ее и очень хочешь узнать ее получше. Ты же *не* допустишь, чтобы люди слышали, как ты жалуешься на судьбу своей матери?

Антипатр нахмурился, но ему хватило ума понять, что я плохого не посоветую. Толпа двинулась в сторону шатра для пиршества, а я осталась ждать брата. Ферор стоял в дальнем конце просторного помещения и выглядел вполне довольным собой. Он поддержал план Ирода жениться на девушке из рода Хасмонеев и видел ее иначе, нежели я.

Наверное, только женщина может в полной мере понять другую женщину. Что могут знать мужчины о нашей способности угадывать тайные желания за накрашенными губами и гладеньким личиком? Читать, что лежит на сердце другой женщины во взглядах исподтишка и в натянутой улыбке? Почему ни Ферор, ни Ирод не видят Мариамну и ее мать так, как их вижу я?

Уже через десять минут знакомства с Александрой я поняла, что она согласилась на этот брак только по одной причине:

из желания крепко ухватиться за власть в Иудее. Хасмонеев скинули с трона, потому что они не сумели поделить власть между собой. Ради поддержания мира вмешался Рим, и тогда по указу сената царем Иудеи сделали Ирода. Надо заметить, что благодаря этому браку внуки Александры смогут стать наследниками престола, и тогда уже через поколение Иудея вновь получит царя Хасмонея... Если, конечно, Ирод позволит детям Мариамны занять место Антипатра, своего перворожденного.

Честолюбивые желания Александры были очевидны, как звезды на небосклоне, однако Ирод был настолько одурманен красотой ее дочери, что искренне поверил, будто Мариамна его любит.

* * *

В огромном шатре, воздвигнутом Иродом за городскими стенами Самарии, десятки сановников расположились на лужах, пили вино и выкрикивали поздравления царю. Я вошла с Иосифом, моим дядей и мужем, и принялась разглядывать приезжих гостей — сенаторов из Рима, богатых купцов и Малику I, царя Набатеи со свитой. Довольны ли они вином? Достаточно ли еды? Некоторые из них прибыли издалека, Ирод не обрадуется, если кто-то останется голодным.

Убедившись, что все в порядке, я вздохнула с облегчением и принялась не слишком откровенно разглядывать детали нарядов и драгоценности арабских женщин. Пробыв взаперти в Масаде столько времени, я жаждала узнать, какая одежда и прически сейчас в моде. Моя служанка Нада несколько лет укладывала мне волосы в одну и ту же банальную прическу. Но теперь, когда нас освободили, возможно, мы с мамой станем походить на придворных дам...

Яркий, привлекающий внимание малиновый цвет пылал среди хитонов и развевающихся гиматиев. Как же называют этот оттенок и как красильщики добиваются такого блеска? А вот серебро явно вышло из моды, никогда не видела такого количества золота на шеях и женщин, и мужчин. Ирод ведь хочет, чтобы мы с мамой выглядели так же, как эти женщины,

чтобы было ясно, что мы не простолюдинки, а принадлежим к царскому двору, как все благородные дамы.

— Сколько же важных гостей прибыли оказать честь моему племяннику! — Иосиф говорил со мной, но улыбался при этом Ироду. — Я и не думал, что такой день настанет.

— И я тоже, — заметила я, хотя мои причины сомневаться в этом браке были совсем иного рода.

Я кивнула в сторону большого ложа, оставленного специально для нас, и Иосиф повел меня через толпу, приветствуя тех, кто уважительно склонял голову при нашем приближении. Хотя я не стала центром внимания — центральное место на возвышении было отдано Ироду и его молодой невесте, — все знали, что я единственная сестра царя, а мой муж — его дядя. Никто не смел нами пренебрегать, потому что мы с братьями были близки, как кора и дерево. Наш отец учил нас держаться друг друга, поддерживать, защищать и возвышать при каждой возможности. И оскорбление одного из нас означало оскорбление для *всех*, а никому не хочется вызвать гнев целой семьи.

В этот день меня должно было переполнять счастье, но я взглянула на невесту, которую все называли хасмонеиской принцессой, и мне сразу стало нехорошо. Мариамна была красива, даже я признавала этот факт, но она считала себя выше всех окружающих. Александра, ее мать, скорее всего, привила ей эту надменность, даже мне доводилось слышать от нее, что Мариамна из избранного народа и избранной семьи.

Я взяла мужа под руку.

— Как думаешь? — Я кивнула в сторону матери невесты. — Друг или враг?

Иосиф мрачно хмыкнул:

— Конечно же, враг. — Он улыбнулся. — Из тех, кого ни в коем случае нельзя упускать из виду.

— Она все время говорит о героических Маккавеех, — проворчала я, прижимаясь к нему, мы как раз проходили через узкий проход. — Все напоминает мне о том войске из всякого сброда, спасшем Израиль от Селевкидов.

Иосиф фыркнул:

— Возможно, Иуда Маккавей — герой, но, когда она снова заговорит о своих предках, спроси об Александре Яннае, который распял на крестах сотни фарисеев. Или об Аристокбуле, который убил родную мать, чтобы сесть на трон. Раз уж на то пошло, напхни ей и об Иоанне Гиркане, захватившем Идумею и принудившем нас стать иудеями.

Муж говорил очень тихо, но я все-таки расслышала раздражение в его голосе. Если бы Александра могла его услышать, ее бы это встревожило.

Она презирала меня; я знала это так же точно, как то, что завтра снова взойдет солнце. И Александра, и ее дочь не могли скрывать свое отвращение, когда им дарили что-то — еду, наряды или слуг — из Идумеи. Оставалось только гадать, как ее презрение к идумеянам уживалось с желанием удачно выдать замуж дочь. За годы нашего вынужденного тесного общения мне удалось найти лишь одну причину: она хотела, чтобы ее потомки могли претендовать на трон Иудеи. И если для этого Мариамна должна выйти замуж за идумеянина, да будет так. Александра отдала бы дочь даже за жабу, если бы это сделало ее внуков наследниками престола.

Обе женщины были достаточно умны, чтобы скрывать свои тайные мысли, находясь в обществе Ирода или его советников. Зато когда мы, женщины, встречались за ужином или на каком-то развлечении, все маски спадали.

— Я понимаю, почему Александра хотела, чтобы Мариамна вышла замуж за царя, — шепнула я на ухо мужу, когда мы с Иосифом уже подходили к своему ложу. — Но вот чего я не могу понять, так это почему Ирод желает взять в жены эту надменную девицу.

— А это, моя дорогая, — Иосиф улыбнулся мне через плечо, — потому, что ты не мужнина.

Отобранные мной музыканты заиграли в углу шатра, а я стиснула губы и опустила на ложе, стараясь, чтобы наши с мужем головы были рядом. Иосиф никогда не был любовью всей моей жизни, но, как я подозревала, Ирод устроил этот брак, потому что считал, будто мне нужен взрослый советник.

Иосиф меня не любил, я это знала, но ему удалось пробудить в себе интерес ко мне. В свои двадцать восемь и с разницей в возрасте в двадцать лет я могла удерживать его внимание лишь несколько минут, потому что, как он заявлял, наши разговоры его утомляли. У него были наложницы, так что для плотских утех он во мне не нуждался. Но наш брак обеспечивал ему роль, которой он жаждал больше всего: он стал советником царя. Сегодня, когда Ирод послал за мной и Ферором, он пригласил и Иосифа, чему последний был безмерно рад.

Я улыбнулась вдруг пришедшей в голову мысли. Возможно, брат выдал меня замуж за нашего дядю, чтобы неявно контролировать меня. Если это так, то ему это удалось, во всяком случае до некоторой степени. Но я все равно не могла понять, что он нашел в Мариамне. Да, она хорошенькая, но он мог набрать целый гарем не менее красивых наложниц. Она не блистала ни умом, ни сообразительностью, и в придачу к ней шла мать, способная вывести из себя даже камень.

Однако лишь Мариамна могла обеспечить ему законность. Рим отдал Ироду трон, но иудеев Иерусалима мог устроить только Хасмоней. И все же... хватит ли этой так называемой законности, чтобы брак не распался? Иудеям не понравится, если царь, женившись на этой девице, потом ее бросит...

Я сжала плечо мужа и кивнула в сторону невесты:

— Как считаешь? Она сделает Ирода счастливым?

Иосиф проследил за моим взглядом:

— Он уже безумно счастлив. У нее есть все, что он мог пожелать, — красота, ум, иудейское происхождение и хасмонейские корни. А если она еще и сможет рожать, лучшего невозможно придумать.

— Я не удивлюсь, если она уже ждет ребенка, — пробурчала я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на живот невесты. — Пять лет — солидный срок для помолвки. Ирод наверняка был в ее спальне...

— Едва ли, ведь мать не отходит от нее ни на шаг. — Иосиф улыбнулся. — Александра берегла честь дочери, словно она ценнее любых драгоценностей. Нет, не может быть, чтобы она была беременна. Хотя уже сегодня... мы об этом узнаем.

Я посмотрела в тот угол шатра, где сидел Антипатр с недвольным выражением на лице, и сказала:

— Антипатру такой союз не по душе.

Узколицый Антипатр, которого вместе с его матерью бесцеремонно отодвинули от царя, явно не получал удовольствия от свадьбы, но Ирод все-таки пожелал, чтобы тот присутствовал на бракосочетании. Ирод отправил Дорис в изгнание, куда скоро последует и Антипатр. Когда они встретятся, мать, несомненно, засыплет сына вопросами о торжестве.

Ирода вполне устроит, если парень расскажет матери все.

— Что теперь будет с мальчиком? — поинтересовалась я, разглядывая юного принца. Он вовсе не походил на моего брата. У него было узкое лицо, хрупкое телосложение и жидкие каштановые волосы — все унаследовано от матери. Голос у него все еще был тонким и пронзительным, совсем как у девочки. Но, поскольку он был перворожденным, ему потакали во всем. Только до того дня, когда Ирод решил взять в жены Мариамну.

— Он уедет на следующей неделе, — ответил Иосиф. — Они с Дорис ни в чем не будут нуждаться, но он больше не будет бесспорным наследником. С сегодняшнего дня Ирод начнет новую главу своего правления. У него теперь есть царица-иудейка, а значит, будет и Иерусалим. Наши люди уже окружили город, а римляне спешат нам на помощь.

— Надеюсь, с Иродом ничего не случится, — неслышно прошептала я, опасаясь произносить столь зловещие слова на свадьбе. Нельзя даже намекать на подобные мрачные перспективы, но ведь я сама видела, как брат слишком часто рискует. Однажды обязательно что-то пойдет не так, и он не сможет победить... или ему вдруг не повезет.

Я потеряла уже двух братьев и не хотела потерять третьего.

— Ничего с Иродом не случится, — заявил Иосиф уверенным тоном. — У него дар оказываться в нужном месте в нужное время.

— Но этот же дар был и у Фазаэля. Как и у Иосифа.

Муж лишь пожал плечами:

— Тогда, зная, в каком мире мы живем, молодая царица должна родить сына как можно быстрее.

Я отвлеклась от беспокойных мыслей о смерти Ирода и принялась высматривать в людном помещении то место, где на кресле с высокой спинкой восседала наша мать. Она вскинула подбородок с молчаливым упреком всем тем, кто считал нашу семью недостойной породниться с Хасмонеями. Наши с ней глаза встретились.

«Да, — она передала мне послание взглядом, — *твой брат будет доволен твоими усилиями*».

Я облегченно выдохнула, тяжелый груз, давивший на мои плечи всю неделю, свалился.

